

А.В. Шалак

ЯПОНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗМЕЩЕНИЯ И ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на примере лагеря № 24)

В 1940-е гг. на территории Восточной Сибири появились новые социальные группы. Общим для их социального положения являлось, как правило, отсутствие собственного жилья, предметов первой необходимости. Им требовалась также природно-климатическая, а многим и этнокультурная адаптация. К их числу относятся рабочие и семьи, прибывшие с эвакуированными предприятиями, мобилизованные рабочие (прежде всего из среднеазиатских республик), эвакуированные семьи с оккупированных территорий, прибывшие в порядке планового перенаселения, представители выселенных этносов, репатриированные граждане из западных районов страны, а также японские военнопленные. Условия жизни последних на сегодня являются менее изученными. Документы, имеющие отношение к военнопленным, проходили под грифом «Сов. секретно» и стали доступны исследователям совсем недавно. Только в 2006 г. были впервые опубликованы рассекреченные архивные документы и материалы из фондов российского государственного военного архива об итогах деятельности региональных структур Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД МВД СССР по Восточно-Сибирскому экономическому району¹. В книге содержатся отчеты, обзоры, докладные записки, справки и истории лагерей отделов по делам военнопленных и интернированных Восточной Сибири. Публикуемые сведения по итогам деятельности лагерей содержат обобщенную информацию о динамике численности, условиях содержания, медицинском обслуживании, а также трудовой деятельности японских военнопленных в Читинской области. Эта информация представлена в итоговом докладе начальника управления Читинского лагеря

№ 24 о деятельности лагеря за период с сентября 1945 по декабрь 1948 г.²

Интерпретация опубликованных данных в рамках уже накопленных сведений о нахождении японских военнопленных на территории Восточной Сибири не теряет своей научной актуальности. Очень многие аспекты этой проблемы требуют тщательного изучения и более объективных и выверенных оценок.

Период создания лагеря № 24 растянулся с 4 октября 1945 г. до марта 1946 г., хотя первые эшелоны с военнопленными начали поступать еще 24 сентября 1945 г., когда аппарата лагеря и лагерных отделений вообще не имелось. Первоначально лимитная численность лагеря была установлена в 19 300 чел., однако фактический прием оказался значительно большим. На начало 1946 г. численность контингента японских военнопленных составляла 24 166 человек.

Организовать нормальное функционирование лагерного хозяйства оказалось делом совсем непростым. Лагерные отделения были разбросаны по территории области на огромных расстояниях. Например, лагерное отделение № 4 (рудник Давенда) находился от Читы на расстоянии 1,5 тыс. км по железной дороге; отделение № 7 (Хапчеранга) было удалено от ближайшей железнодорожной станции на 450 км. На расстоянии 300–400 км от Читы находились лагерные отделения № 1 (г. Бари), № 8 (Петровск-Забайкальский), № 5 и 6 (Калангуй и Шерлова Гора). В свою очередь лагерные отделения состояли из так называемых подкомандировок, удаленных от лагерного отделения на десятки километров. Транспортных средств катастрофически не хватало, что еще более затрудняло связь с лагерными пунктами, обеспечение их медикаментами, продовольствием и другими видами снабжения. Со многими из них управление лагерем не имело никакой связи кроме посыльных.

По этой причине структура лагеря неоднократно менялась. Уже в декабре 1945 г. вместо девяти лагерных отделений было организовано 17, через месяц они были преобразованы в тридцать пять. Серьезные структурные преобразования в лагере продолжались до конца его функционирования.

Усугубляло ситуацию то обстоятельство, что хозяйственные органы области не были готовы к принятию такой огромной

массы военнопленных и обеспечению их работой. Даже в тех организациях, которые испытывали потребность в рабочей силе, готовы были принять гораздо меньшее количество военнопленных. Например, трест «Читинский лес» рассчитывал разместить военнопленных на лесозаготовительных участках по 200–250 человек, а лагерь имел указание открывать точки с численностью не менее 500 человек. В результате военнопленных пришлось размещать в хозяйственных постройках (столовые, кухни, склады, санитарные части), пищу готовить во времянках на улице, а принимать — в жилых помещениях. В этот период полезная жилая площадь на одного военнопленного составляла в лагере от 0,8 до 1,6 м². Большинство военнопленных размещалось на двух-трех ярусных нарах сплошного типа. Даже коечных больных не было возможности разместить в изолированных помещениях, и они лежали в жилых помещениях, здесь же принимались и другие больные.

Освещения в лагерных отделениях не было. В городских лагерных отделениях для этого не могли найти ламп, а в лесных лагерных отделениях попросту отсутствовало электричество. Ни одно лагерное отделение на время приема военнопленных не имело столовых, изоляторов, бань, прачечных, дезокамер, сушилок, а во многих не имелось даже умывальников. Военнопленные мылись в банях для гражданского населения или во временных сооружениях, не приспособленных для этой цели, с малой пропускной способностью. Большой проблемой для многих лагерных отделений являлись перебои с водой.

Ситуация обострялась тем, что военнопленные в лагерь поступали со стопроцентным педикулезом, часть военнопленных тяжело болели. Врачи в это время имелись только в шести лагерных отделениях, столько же врачей имелось в медицинском отделе управления лагеря. Медицинский персонал из военнопленных нужной квалификацией не обладал. Из-за дефицита медицинских работников учет заболевших практически не велся, да и медикаменты в лагерь стали поступать только в ноябре-декабре 1945 г. В результате в декабре 1945 г. в лагерных отделениях Хапчеранга, Новая, Верхний Нарым, Шерлова Гора вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Проблема усугублялась не только дефицитом медицинского персонала, но и отсутствием

помещений для изоляторов. В декабре и январе на борьбу с эпидемией сыпного тифа были направлены медицинские работники из других лагерей Читинской обл., часть врачей выделил областной отдел здравоохранения. В марте 1946 г. эпидемию сыпного тифа удалось ликвидировать. Все это время лагерные отделения, в которых вспыхнула эпидемия сыпного тифа, содержались на карантине и на работы не выводились.

Сдерживало трудовое использование военнопленных отсутствие теплого зимнего обмундирования. Военнопленные поступали в лагерь одетые по летнему плану. Вместе с эшелонами прибыла только часть зимнего вещевого имущества. Наибольший дефицит имелся по теплым шубам и рубашам, ватным шароварам. К началу 1946 г. каждого военнопленного удалось обеспечить теплыми меховыми ботинками, меховыми рукавицами и шапкой. Недостающее зимнюю одежду лагерь дополучал со складов Забайкальского округа МВД. Недостающее количество шуб компенсировалось ватными телогрейками и шинелями. Однако в связи с удаленностью многих лагерных точек и транспортными трудностями доставить зимнюю одежду удалось в основном уже к началу 1946 г. Поэтому часть военнопленных в ноябре-декабре 1945 г. была вынуждена выходить на работы в летнем обмундировании. Полностью решить эту проблему удалось только во второй половине 1946 г. Начиная с этого времени, все военнопленные были одеты по сезону во вполне годное или новое обмундирование и обувь. Одновременно с этим во всех лагерях были организованы бытовые мастерские, в которых производился ремонт и реставрация обмундирования и обуви.

В связи с разбросанностью лагерных точек, важное значение для его нормального функционирования и трудового использования военнопленных имело транспортное обеспечение. Первоначально речь шла о том, что весь транспорт прибывает с эшелонами военнопленных. Однако большинство прибывших машин оказались абсолютно непригодными к эксплуатации. Всего с эшелонами поступило 77 машин, из них лишь 13 машин были на ходу, а большую часть оставшихся вообще не представлялось возможным восстановить. За весь период пребывания военнопленных удалось отремонтировать только 25 машин. Запасные части для них выделили хозяйственные организации, использующие труд

военнопленных. В критических ситуациях ими же выделялись и необходимые транспортные средства. С эшелонами прибыло также 193 лошади, из которых 26 пало, а остальных было сложно использовать из-за отсутствия необходимой сбруи. С окружных складов МВД лагерю поставили 11 новых машин, однако этот транспорт забрало под свои нужды управления лагеря.

Транспортные трудности сказались в период обустройства лагеря и на продовольственном снабжении военнопленных. Значительная часть необходимых продуктов на первое время прибыла с эшелонами военнопленных. В частности, запасов муки хватало для их снабжения на 91 день, круп и риса — на 87 дней, жиров растительных — на 104 дня, мяса — на 13 дней, соли — на 79 дней, овощей свежих и соленых — на 22 дня и т.д. Однако эти продукты распределили только по ближайшим точками и весьма нерационально. В результате в некоторых лагерных отделениях имелись излишки одних продуктов при отсутствии или недостатке других. Перебросить продукты с одного лагерного отделения в другое из-за дальности расстояния и отсутствия транспорта было практически невозможно.

Недостающие продукты с баз поставщиков и складов управления лагеря железнодорожным транспортом стали доставлять в отдаленные лагерные отделения, а затем имеющимися транспортными средствами развозить в лагерные отделения. Однако емкость построенных складов была небольшой, и это не позволяло создать запасы продовольствия более чем на две недели. Кроме того, из-за несогласованности между поставщиками продовольствия в одних лагерных отделениях накапливались излишки продуктов, а в других они отсутствовали. Все эти проблемы имели место в основном в первой половине 1946 г.

Сложности начального периода пребывания контингента японских военнопленных в Забайкалье отчасти были обусловлены и тем, что у личного состава лагеря, который был укомплектован из воинских частей, отсутствовал какой-либо опыт в организации лагерного хозяйства.

Тяжелая обстановка в размещении военнопленных при поступлении их в лагерь была в основном устранена только в период подготовки к зиме 1946–1947 гг. после вмешательства обкома ВКП(б) и закрытия тех лагерных отделений, где не были обеспе-

чены приемлемые условия содержания военнопленных. К концу 1946 полезная площадь на одного человека в лагерных отделениях составляла от 1,6 до 3-х м² на одного человека, что почти в два раза было выше аналогичных показателей конца 1945 г.

В целом за летний период 1946 г. удалось значительно улучшить условия проживания военнопленных и подготовиться к зиме 1947 г. Во всех лагерных отделениях были оборудованы санчасти, лазареты, кухни, столовые, дезокамеры, сушилки, а в некоторых лагерных отделениях построены даже бани. В большинстве лагерных отделений был создан запас топлива на 1–3 месяца, а в лесных лагерных отделениях до шести месяцев.

На 1 января 1946 г. в лагере имелось 18 лагерных отделений, в составе которых было 40 точек с контингентом военнопленных 24 166 человек. Каких-либо серьезных изменений в численности военнопленных в этот период не происходило. В течение января 1946 г. их количество пополнилось всего на 28 человек, а всего за январь-март поступило 157 чел. В основном это были те, кто находился на лечении в спецгоспиталях (130 чел.). Из разведорганов поступило всего три человека.

Складывающаяся ситуация явно свидетельствовало, что эффективно управлять таким контингентом военнопленных было практически невозможно. Поэтому структурные изменения, начатые уже в декабре 1945 г., и поиск оптимальной структуры продолжался вплоть до 1948 г.

В январе 1946 г. лагерное отделение № 1 (г. Балей) с контингентом 1495 человек было передано в лагерь военнопленных № 5 МВД. Оставшиеся 17 лагерных отделений в январе этого же года преобразованы в 35 лагерных отделений. Затем в феврале 1946 г. в состав лагеря военнопленных № 6 (г. Сковородино) передали лагерное отделение № 4 (рудник Давенда). В марте 1946 г. во вновь созданный лагерь для военнопленных № 52 передали еще 13 лагерных отделений (всего 8828 чел.). Таким образом, за первый квартал 1946 г. из лагеря военнопленных № 24 убыло 14 934 человека. Основная масса была передана в лагеря № 6, 23, 25, 52. Из этой численности в спецгоспитали поступили 435 чел., а 2380 военнопленных умерли. Причем наибольшая смертность отмечается в период структурно-организационных мероприятий (только в феврале 1946 г. умерло 1235 чел.).

Однако на этом структурные изменения не закончились. Из-за необустроенности лагерных отделений, а также отсутствия или недостаточности объема работ были ликвидированы еще 7 лагерных отделений. Вместо них создано только три с общим контингентом военнопленных 2 100 человек. До конца 1946 г. по этим причинам значительная часть военнопленных кочевала из одного лагеря в другой, или находилась на лечении в спецгоспиталях. Однако подавляющая часть из них не перераспределялась между созданными лагерями на территории Читинской области, а убыла за ее пределы. В этот же период из-за недостатка работ были ликвидированы еще 4 лагерных отделения, создано одно новое и приняты два лагерных отделения от ликвидируемых лагерей № 6 и № 23. В результате, на начало 1947 г. в 12 лагерных отделениях лагеря № 24 оставалось пребывать 5933 японских военнопленных.

В течение 1948 г. также отмечается существенные изменения в движении военнопленных. В лагерь вновь передают 2346 чел. из ликвидируемого лагеря №52. В связи с репатриацией в лагерь военнопленных № 353 убывает 1691 человек и в лагерь № 380 (бухта Находка) 5792 человек. После этого в лагере расформированы 10 отделений, а в оставшихся двух отделениях на начало 1949 г. насчитывалось 1149 человек, которые предоставляли рабочую силу различным организациям г. Читы и хозяйственной части УМВД.

Следует отметить, что смертность среди военнопленных к этому времени практически была сведена на нет. Если за IV квартал 1945 г. и первый квартал 1946 г. умерло 3045 чел., то за последующие три квартала 1946 г. от болезней и травм умерли 188 человек. За весь 1947 г. насчитывалось всего 47 смертельных исходов, а в 1948 г. умерли от травм и болезней всего 18 человек. Количество убывающих на лечение в спецгоспитали также резко сократилось. Если за 1947 г. в спецгоспитали убыло 498 чел., то в 1948 г. всего 97 чел., а из спецгоспиталей после лечения поступило в лагерь 406 человек. Основными причинами высокой смертности среди военнопленных в конце 1945–начале 1946 г. являлись дистрофия (1331 смертей), на втором месте сыпной тиф (722), от воспаления легких умерло 301 человек, 137 от туберкулеза и 119 от дизентерии. Причем в этот период

не было зафиксировано ни одного случая смерти от полученных производственных травм, тогда как в 1947–1948 гг. основной причиной немногочисленных смертных исходов являлись именно полученные производственные травмы. В 1947 г. в лагере были организованы комнаты отдыха, через которые пропущено со сроком отдыха 1-2 недели 2042 человека и в 1948 г. — 3155 человек.

Сначала 1946 г. улучшилось и амбулаторное лечение больных военнопленных. В 1947 г. посетило амбулаторный прием 51 463 человека, из них освобождено от работы 8031 человек. В 1948 г. амбулаторный прием посетило 63 733 человека, из них которых 8197 получили освобождение от работы, в среднем, на 3–4 дня.

Столь резкое снижение заболеваемости и смертности среди военнопленных объясняется не только противоэпидемическими мероприятиями и не столько улучшением условий проживания, сколько репатриацией ослабленных и больных японских военнопленных. Репатриацию военнопленных лагерь начал в 1946 г., когда 975 человек были направлены в порт Посьет.

Физическое состояние военнопленных после завершения организационного периода улучшилось и снижение его не допускалось на всем протяжении деятельности лагеря.

Таблица 1

Классификация военнопленных по группам трудоспособности (1946–1948 гг.)

Группа трудоспособности	на 01.01.1946 г.		на 01.04.1946 г.		на 01.01.1947 г.		на 01.01.1948 г.		на 01.1949 г.	
	числ.	в %	числ.	в %	числ.	в %	числ.	в %	числ.	в %
I	6 760	30,4	5352	62,3	5 466	63,9	5061	85,6	348	30,2
II	4 824	21,8	2065	24,0	2 166	25,3	652	11,0	525	45,7
III	2 585	12,5	356	4,1	471	5,5	102	1,7	128	10,7
IV	200	0,9	11	0,1	1	0,01	1	0,01	4	0,3
Ослабл. контингент	5 195	23,5	213	2,4	128	1,4	5	0,1	77	6,7
Коечн. больн.	2 599	11,7	452	5,2	309	3,6	91	1,5	67	5,8
<i>Всего</i>	22 163		8429		8 541		5 907	100	1 149	100

Ухудшение показателей к началу 1949 г. объясняется тем, что в лагере оставался военнопленные из офицерского состава, полиции, жандармерии, которые ранее на физических работах не работали. Кроме того, расформированные лагеря области весь оставшийся ослабленный, нетранспортабельный контингент передавали 24-му лагерю.

Условия адаптации японских военнопленных не могли не отражаться на их трудовой деятельности.

В сентябре-октябре 1945 г. контингент лагеря в основном отбывал 21-дневный карантин и был занят на обустройстве лагерных отделений. Вывод военнопленных на работы не превышал 40% списочного состава. Сложные условия проживания не могли не отразиться на общем состоянии военнопленных. По итогам проведенного комиссования военнопленных на предмет трудоспособности в декабре 1945 г. годными к труду были признаны только 14 387 человек из 21 166, или 67,9%. Причем к первой группе трудоспособных было отнесено только 6760 человек. Производительность труда была очень низкой и колебалась от 7 до 50% на строительных и лесозаготовительных работах и до 80% на других. Выполняющих нормы выработки в этот период не было. На один отработанный день в октябре-декабре 1945 г. выработка составляла всего 6 р. 92 к.

Таблица 2

**Трудовое использование военнопленных
по отраслям народного хозяйства Читинской области
на начало 1946 г.**

Отрасль	Количество лагерных точек	Численность военнопленных	в %
Лесное хозяйство	16	7 141	29,6
Горная промышленность	12	10 798	44,7
Строительство	5	2 728	11,3
Кирпичные заводы	2	1 008	4,2
Металлург. заводы	2	2 032	8,4
Сельское хозяйство	2	450	1,8
<i>Всего</i>	39	24 157	100

Как видно из представленных данных, почти 75% военнопленных работали в лесной и горной промышленности. Меньше

всего военнопленные использовались в сельском хозяйстве (менее двух процентов).

В целом до конца 1945 г. шел процесс организационного обустройства лагеря и адаптации прибывших военнопленных к новым условиям. Во многих лагерных отделениях в основном боролись с эпидемией сыпного тифа и дистрофией, т.е., по сути, боролись за выживание. Поэтому военнопленные либо вообще не выходили на работу, а там где выходили, их производительность была очень низкой.

Таблица 3

**Исполнение сметы содержания
лагеря военнопленных № 24 за 1945 г.**

Исполнение сметы	План	Фактически
По доходам	4 521 000	3 772 000
По расходам	7 742 000	7 500 000
Покрытие расходов доходами	58,3%	50,9%
Содержание 1 военнопленного	600 р.	313 р.
Отработано на производстве на одного списочного в/пл.	39 ч/д	27 ч/д
Заработок на 1 списочного в/пл.	202 р.	156 р.
Средний дневной заработок на 1 в/пл.	5 р. 20 к.	5 р. 24 к.
Убыток	3 221 000	3 778 000
Переходящие суммы начетов и растрат	–	176 000

Таким образом, расходы на содержание военнопленных по итогам 1945 г. были на 3 728 000 р. (или в два раза) больше, доходов от их хозяйственной деятельности.

Использование военнопленных на хозяйственных работах особенно плохо было организовано в 1946 г. Необходимых инструментов и материалов для работы недоставало, техническое руководство отсутствовало, необходимого объема работ не имелось. В совокупности с имеющимися трудностями в обустройстве, санитарном обслуживании это приводило к огромному количеству простоев. При этом во многих лагерных отделениях военнопленных требовалось доставлять на работу, а необходимого транспорта не имелось. Особенно это имело отношение к военнопленным, занятым на заготовке леса. Зимой 1945–1946 г. ситуация усугублялась еще и тем, что многие военнопленные не имели теплой одежды, а обогревательных помещений непосред-

редственно на участках работы не имелось. Это также стимулировало рост заболеваний, обморожений и в итоге привело к высокой смертности среди военнопленных в первом квартале 1946 г. К тому же хозяйственные организации стремились использовать рабочую силу военнопленных на особенно низкооплачиваемых, опасных и неподготовленных рабочих местах, что только усугубляло и так непростую ситуацию начала 1946 г. Еще одной причиной вынужденных простоев и невыхода на работу являлся дефицит конвойных войск. Особенно остро это ощущалось в начале 1946 г., когда зачастую военнопленных было просто некому выводить на работы. Тем не менее, побегии с мест работы носили одиночный характер. Их количество не превышало 10 человек в течение года, и все бежавшие были возвращены обратно в лагерь.

Ситуация стала меняться с весны 1946 г. К этому времени удалось не только существенно поправить социальное обслуживание военнопленных, но и наладить агитационно-пропагандистскую работу среди них, которую развернули созданные политотделы лагерей. Условия материального стимулирования были доведены до каждого военнопленного, организовано соревнование как между отдельными военнопленными, так и между бригадами. О заинтересованности военнопленных в труде свидетельствует и то, что они, в случае несвоевременного оформления наряд-заданий мастерами, ходили с жалобами к администрации лагерных отделений, обращались и к более высокому начальству.

В последний год пребывания военнопленных между ними было организовано «социалистическое соревнование». С инициативой провести трудовой месячник в честь Международного праздника трудящихся Первое Мая выступило второе лагерное отделение. Между лагерными отделениями были заключены договоры на высшую производительность труда, лучшее благоустройство зон. План апреля был перевыполнен по валовой выработке на 704 803 р. с производительностью труда 127% и заработком на один отработанный человеко-день 24 р. 92 к. Во втором лагерном отделении производительность труда в течение месячника была доведена до 151%.

Общая эффективность использования труда военнопленных выглядит следующим образом.

Таблица 4

**Эффективность труда военнопленных, используемых
на работах в народном хозяйстве Читинской области
(1946–1948 гг.)**

Показатели	1946	1947	1948
Среднесписочная численность, чел.	9 075	6 221	4 400
Выход на работы, %	68,3	79,3	86,1
Производительность труда, %	78,0	95,2	109,5
Среднедневной заработок:			
план	12 р. 15 к.	17 р. 44 к.	17 р. 01 к.
факт	11 р. 98 к.	18 р. 33 к.	19 р. 29 к.
Валовая сумма выработки:			
план	26 523 189 р.	27 602 608 р.	20 326 630 р.
факт	21 971 988 р.	25 392 574 р.	21 991 203 р.
Количество невыполняющих нормы выработки	5 407	2 766	827
Отработано на производстве ч/дней	1 874 274	1 374 885	1 592 995

Как видно из представленных данных, удельный вес участвующих в трудовой деятельности военнопленных постоянно возрастал. По итогам 1948 г. лишь 15% военнопленных не выходили на работу. Росла и производительность труда военнопленных в целом. Однако еще раз подчеркнем, что во многом это было связано не с улучшением условий труда и жизни, а с репатриацией ослабленных и больных военнопленных, что позволило значительно улучшить средние показатели.

Однако общий расход лагеря по содержанию военнопленных не покрывался доходами от их деятельности. Во многом это объяснялось сложностями организационного периода, когда контингент военнопленных практически не работал, а расходы на их содержание и обустройство были весьма высокими. Кроме того, на содержании лагеря находились спецгоспитали, областная антифашистская школа, проверочно-фильтрационный лагерь для нарушителей границы, отправка эшелонов с репатрируемыми военнопленными. Расходы на эти подразделения составили за 1945–1948 гг. 7,5 млн р. С учетом всего этого фактическое содержание одного военнопленного за весь период существования лагеря превысило 2894 р.

Итоги пребывания японских военнопленных на территории Читинской области вряд ли поддаются однозначной оценки. С одной стороны, с чисто экономической точки зрения по данным итоговых справок Управления по делам интернированных и военнопленных, содержание военнопленных на территории Читинской области оказалось для государственной казны убыточным делом. Сложно сказать, какими мотивами руководствовались органы власти, принимая решение о перемещении пленных японцев на территорию страны. Принять такую огромную массу военнопленных, разместить, обеспечить необходимым фронтом работ даже в режиме мобилизационной экономики было весьма непросто. Условия проживания в Читинской области являлись наиболее тяжелыми в сравнении с другими регионами Восточной Сибири. Серьезные продовольственные затруднения возникли здесь уже весной 1943 г. Эти проблемы были связаны с тяжелым положением, сложившимся в сельском хозяйстве области. Еще в предвоенном 1940 г. урожайность зерновых составила 5,9 центнера с гектара. В 1941 г. она снизилась до 4,5 центнера, а в 1942 г. не превысила 3,7. Одновременно за 1942 г. произошло резкое сокращение поголовья скота. К весне 1945 г. обстановка еще более осложнилась. По официальным данным на 20 апреля 1945 г. больных дистрофией в Читинской области насчитывалось 10 598 человек, 133 человека умерли от истощения³. В отдельных районах области практически все колхозы нуждались в немедленной помощи. Но все же пик голода по сельским районам региона пришелся на первые послевоенные годы.

В таких условиях обеспечить приемлемые условия социальной адаптации японских военнопленных на территории Читинской области было невозможно. Даже при наличии необходимого фронта работ, область не имела продовольственных ресурсов, способных обеспечивать воспроизводство рабочей силы. Поэтому прибывшие военнопленные оказались в тяжелейших условиях, но их положение в той ситуации практически мало чем отличалось от положения местного населения. Только оперативные действия органов власти по репатриации основной массы ослабленных и больных военнопленных позволили избежать еще более трагических последствий их пребывания на территории Читинской области.

С другой стороны, исходить в оценке той ситуации из каких-то чисто экономических критериев, либо либеральной системы ценностей вряд ли представляется возможным. Речь в то время шла о переустройстве мира, закреплении на приобретенных пространствах. В процессе индокринации под воздействием новых образов и стереотипов определенная часть японских военнопленных в лагерях меняла свои первоначальные убеждения и установки, обычно безропотно поддерживала идеи администрации. Индокринация имела целью создание таких образов и политических установок, на базе которых формируется определенная жизненная позиция личности и группы. К сожалению, итоговая справка о деятельности лагеря № 24 в Читинской области не содержит обобщающих данных по этому вопросу. Однако ряд исследователей утверждает, что идеологическая работа среди японских военнопленных проводилась советскими властями настолько успешно, что представляла собой объект серьезной заботы японского правительства после возвращения военнопленных этой страны из советского плена⁴. Она позволила создать в стране из бывших военнопленных весьма влиятельных, особенно на первых порах, сторонников коммунистической партии Японии.

Примечания

¹ Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941–1945: Отчетно-информационные документы / под ред. М.М. Загорулько. Волгоград, 2006. С. 691–709.

² Подлинники этих документов хранятся в Российском государственном военном архиве (РГВА). Ф. 60 п. Оп. 48. Д. 9. Л. 112–140.

³ См. более подробно: Шалак А.В. Голод в 1940-е гг.: оценка масштабов и социальная география (на примере Восточной Сибири) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск, 2010. С. 122–133.

⁴ См, например: Карасев С.В. Проблемы плена в советско-японской войне и их последствия (1945–1956 годы). Иркутск, 2004; его же. Вопросы идеологической работы в ходе советско-японской войны 1945 года. Иркутск, 2006.